Александр Галушкин

У «Зеленой стены»

Евгений Замятин в «задержанной» эмиграции

Окончание.
Начало в "РМ" №4191.

К сожалению, в архиве Совнаркома мне не удалось отыскать каких-либо решений по заявлениям Замятина — хотя известно точно, что по крайней мере последнее письмо писатель лично занес в секретариат А.Рыкова. Возможно, решения по замятинскому делу шли по особому разряду, минуя установленный порядок советского делопроизводства. Известно, что по делам Замятина Горький в течение сентября-октября по меньшей мере три раза встречался в верхах — со Сталиным и дважды — с Г.Ягодой (слова последнего были переданы Замятину: "Ну, если он будет настаивать — мы, пожалуй, выпустим, но уже назад — не пустим...").

Ободренный Замятин (не без совета Горького, рекомендовавшего пойти "нормальным путем") обращается 4 декабря в Административный отдел Ленинградского облисполкома с заявлением о выдаче заграничного паспорта. И 12 декабря получает отказ. "Нормальный" официальный путь оказывается не самым простым. И 24 декабря 1929 года Замятин обращается с заявлениями в НКВД РСФСР и в Коллегию ОГПУ на имя Г.Г.Ягоды. Эти тексты очень близки по содержанию, поэтому я привожу только один из них:

Председателю Коллегии ОГПУ
т. Ягоде

Осенью этого года я просил М.Горького при встрече с Вами выяснить, могу ли я рассчитывать получить разрешение на поездку за границу; при личном свидании в конце октября М.Горький сообщил мне, на основании разговора с Вами, что если я буду настаивать на необходимости заграничной поездки, то соответствующее разрешение будет мне дано.

В добавление к сообщенным Вам М.Горьким мотивам, заставляющим меня просить о разрешении выезда за границу (в Нью-Йорк, на срок до 12 месяцев), я должен отметить еще два обстоятельства:

1) необходимость для меня принять участие в предполагаемой постановке на нью-йоркской сцене двух моих пьес — "Блоха", идущей по настоящее время в МХАТ'е 2-м, и "Общество Почетных Звонарей", шедшей в 1925 г. в Ленинграде в б.Михайловском театре (договор на перевод и постановку в Америке "Блохи" от 5 июля с.г. с З.Венгеровой и Альсбергом; договор на перевод и постановку "Общества Почетных Звонарей" от 17 ноября с.г. с М.Вальком);

2) необходимость обратиться к какому-либо из врачей-специалистов в Берлине по поводу болезни желудка и кишок, с которой здесь я не могу справиться в течение уже 15 лет и которая в значительной степени понижает мою работоспособность; так как, возможно, лечение будет связано с хирургической операцией — мне нужно, чтобы моя жена сопровождала меня в поездке.

Евгений Замятин в своем кабинете. 1928.

Адм. отдел Ленингр. Облисполкома, куда я обратился с просьбой о разрешении мне и моей жене выезда за границу (с приложением всех требующихся документов), — отказал в этом разрешении без объяснения причин. В установленном порядке я обжаловал этот отказ заявлением на имя Народного Комиссара Внутренних дел от 24 декабря с.г.

Одновременно с этим заявлением я позволяю себе напомнить Вам о разговоре с Вами М.Горького по поводу моей поездки за границу и просить Вас не отказать в содействии к положительному разрешению этого вопроса.

Я считал бы при этом необходимым обратить Ваше внимание на то, что моя поездка ни в какой мере не связана для государства с расходованием валюты: нужную мне валюту я могу получить за границей, где за перевод и постановки пьес мне причитается авторский гонорар.

Ленинград, 24 декабря 1929 г.
Адрес: ул. Жуковского, 29, кв. 16
Е.И.Замятин.

Однако и на это "правильное" письмо, в котором Замятин неназойливо напоминает об истинных причинах эмиграции, и на "неправильные" письма Булгакова ответ был один. В начале января 1930 года семья Замятиных получает извещение:

НКВД РСФСР
Администр. Управл.
Инчасть 18/1
5/1 30 г.

По пересмотру Вашей жалобы об отказе в выдаче Вам с женой разрешения на выезд за границу действия Адмотдела Ленинградского Обл. Исполкома признаны правильными и отмене не подлежат.

Завед. иностранной частью
/Иванов/

Дверь в "зеленой стене" захлопнулась. Последующие полтора года в жизни "отказника" Замятина — наверное, одни из самых тяжелых. Его практически не печатают. Неудачей завершаются его попытки сотрудничества в кино, некоторые театральные замыслы. Поддерживала преподавательская работа в ленинградском Политехническом институте.

В середине 1931 года Замятин начинает опять хлопотать о выезде за границу. Внешним стимулом к этому послужил очередной — первый после 1929 года — приезд Горького в СССР. Очевидно, только с участием Горького и связывал Замятин свои надежды на эмиграцию. Уже через две недели после приезда Горького в Москву Замятин начинает добиваться встречи с ним. К тому времени, возможно, уже было составлено знаменитое замятинское письмо к Сталину — очевидно, пригодился и опыт Булгакова. 14 июня Замятин и Горький встречаются, о чем Замятин рассказал в письме жене: "Старик был очень любезен. Из этих 5 часов деловых разговоров было полчаса, вдвоем. Результат: взялся хлопотать и сегодня или завтра мое письмо «в собственные руки»" (т.е. Сталину). 22 июня он сообщает ей же, что "заявление пошло по начальству". В течение последующих двух недель Замятин в полной неизвестности, но уже к середине августа он начинает хлопотать по "паспортным делам".

Судя по всему, длительного обсуждения замятинского вопроса в верхах не было, и в доступных мне протоколах политбюро за 1931 год имя Замятина не встречается. Но некоторые подробности этого обсуждения в политбюро (?) сохранились в воспоминаниях Ивана Гронского, крупного партийно-литературного функционера, с мая 1931 года получившего право присутствовать на заседаниях политбюро.

"Да, у Сталина был тяжелый характер. <...> Когда Е.Замятину разрешили выехать за границу (его никто не высылал), то большинство членов Политбюро было против этого решения. Сталин высказался за разрешение и заявил при этом, что Замятин ничего против нас там не напишет. И оказался прав" (Минувшее. М.—СПб., 1994. С.106).

Решение об эмиграции Замятина принималось, как мы видим, в единоличном порядке. И вряд ли это было возможно иначе. Заключая свое исследование советской иммиграционной и эмиграционной политики, Юрий Фельштинский пишет:

"Отсутствие какого-либо добровольного движения через советскую границу с начала 1930-х годов и означало окончательное разрешение проблемы эмиграции и иммиграции. Путем идеологической обработки и террора советский режим заставил своих граждан забыть о самой возможности выезда, приравняв одно это желание к преступлению. Лишенные права эмиграции, советские граждане не смели мечтать об изменении своего подданства. И лишь одно "государство" всегда охотно принимало их в свое гражданство — *Архипелаг ГУЛаг*" (Ю.Фельштинский. К истории нашей закрытости. М., 1991).

Замятину повезло. За эту удачу было заплачено большой ценой, а отъезд Замятина за границу стал еще одной картой в сталинской игре с интеллигенцией и Западом. Но об этом будет написано в специальной работе.

В ноябре 1931 года "зеленая стена" расступилась, пропустив Замятина, и снова сомкнулась.

Москва